Аркадий Старцев

Московский шифр. 1902

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Аркадий Старцев

Московский шифр. 1902

«Автор»
2026

Старцев А.

Московский шифр. 1902 / А. Старцев — «Автор», 2026

Москва, 1902. Сырой октябрь. У Ильинских ворот сидит человек с серебряной ручкой и феноменальной памятью. Михаил Веденин — уличный толмач, не сыщик и не шпион. Его оружие — слово. Его помощник — Паша, гений переписки, который теряет очки, но не теряет ни одной запятой.Всё меняется, когда следователь фон Штейн показывает Веденину три пергамента, изъятые у умершего барона. Текст на них нельзя читать вслух: тот, кто произносит формулу, — исчезает. Следователь проверяет это на себе. Через минуту в его кабинете остаётся только горячий чай.Так начинается охота за «Хроникой Исхода» — рукописью, в которой зашифрованы семь врат. За ними, по версии тайной ложи «Искатели Первоосновы», лежит начало всякой материи. Веденину предстоит проникнуть в особняк через подземелья, обмануть человека в пенсне и не потерять Пашу — единственного, кто замечает то, что пропускают все.Исторический детектив с мистикой, юмором и тёплым финалом.

© Старцев А., 2026
© Автор, 2026

Аркадий Старцев
Московский шифр. 1902

МОСКОВСКИЙ ШИФР. 1902

Глава 1. Чернила и сургуч

I

Октябрь 1902 года выдался в Москве промозглым, сырым и серым, как некрашеное сукно. Мелкая водяная пыль висела в воздухе над Ильинскими воротами, оседая на суконных пальто прохожих, на гривах ломовых лошадей и на медных вывесках меняльных лавок.

Михаил Андреевич Веденин сидел за своим складным столиком под навесом чайной «Ярославль». В свои тридцать восемь лет он обладал той редкой выправкой, которую не могли скрыть ни скромное, хоть и безукоризненно вычищенное пальто, ни

лёгкая проседь в аккуратно подстриженной бородке. Взгляд его тёмных глаз был цепким, спокойным и до крайности внимательным — привычка человека, для которого чужое слово, оговорка или неверно поставленная запятая всегда значили больше, чем всё остальное.

Веденин был фигурой у Ильинских ворот известной. Уличный толмач и ходатай, он брался за то, от чего столичные присяжные поверенные брезгливо воротили нос: переводил для купцов второй гильдии каверзные контракты с гамбургскими мануфактурами, разбирал персидские накладные на каракулевые тюки и составлял слёзные прошения на имя генерал-губернатора для неграмотных мещан. Языки он знал так, будто сам родился на десятке разных европейских и восточных

перекрестков, а память имел феноменальную.

Рядом с ним, за вторым столиком, сгорбившись над кипой бумаг, сидел его помощник — Павел Сергеевич Куликов, или просто Паша, как звали его все, от купцов до городовых. Двадцати шести лет, худой, с непослушной светлой шевелюрой и лицом, которое в равной степени могло выражать глубокомыслие и совершеннейшую рассеянность, он переписывал набело переводы Веденина. Делал он это с той тщательностью, с какой ювелир вставляет камень в оправу: каждая буква на своём месте, каждая запятая выверена, каждое исправление отмечено на полях аккуратнейшим образом.

— Паша, — не поднимая головы, бросил Веденин, — ты в третьем абзаце

«Гамбургского торгового дома» не забыл поставить точку с запятой после «неустойки»?

— Поставил, Михаил Андреевич, — отозвался Паша, не отрываясь от письма. — И даже две. Одну по смыслу, вторую — на всякий случай. Пусть герр Мейер порадуется.

Веденин хмыкнул.

Паша был рассеян до чрезвычайности — мог забыть зонт в лавке, оставить очки на прилавке, перепутать адрес и принести перевод не тому купцу. Но за три года работы у Веденина он ни разу не перепутал ни одной буквы в документе, ни одной цифры в счёте, ни одной печати на копии. В бумагах он был безупречен. В жизни — катастрофически неорганизован. Это сочетание давно перестало удивлять Веденина: он привык, что

его помощник живёт в двух мирах — в мире букв, где всё подчинено строгому порядку, и в мире людей, где всё летит кувырком.

— Стало быть, герр Мейер пишет, что неустойка взимается с первого числа, а не с пятнадцатого? — дородный купец в лисьей шубе нервно постучал пальцем по намокшему бланку.

— Именно так, Трофим Лукич, — спокойно ответил Веденин, не поднимая глаз от текста и аккуратно промокая чернила пресс-папье. — В третьем параграфе использован нижненемецкий оборот. Вас пытаются обойти на две недели. Я вписал верное толкование на полях, заверьте у нотариуса через дорогу — и закон будет на вашей стороне. Паша, дай Трофиму Лукичу чистовик.

Паша поднялся, порылся в папке, извлёк лист — и с поклоном протянул купцу.

— Извольте-с. Всё проверено. Я даже на всякий случай сверил с латинским текстом, хотя там его и нет. На всякий случай.

Купец шумно выдохнул, сунул Михаилу Андреевичу серебряный полтинник сверх платы и торопливо заковылял по брусчатке.

Веденин проводил его взглядом, достал старый серебряный портсигар и закурил папиросу. Работа спорилась, день шёл своим чередом. Ровно до тех пор, пока тяжёлая тень не упала на его суконную скатерть.

II

Перед столиком стоял человек в тёмно-

зелёной форменной шинели с петлицами Московского окружного суда. Чиновник был молод, худ и бледен той особой, нездоровой бледностью, какая бывает у людей, не спавших несколько суток. Мундир его был застёгнут криво — пуговица попала не в свою петлю, что для судебного служителя было вещью неслыханной.

— Михаил Андреевич Веденин? — голос пристава сорвался на фальцет.

— К вашим услугам, — Веденин зажёг свечу, мгновенно подметив дрожь в пальцах визитёра. — Если вам требуется составить бумагу, присядьте.

— Никаких бумаг. Вызываетесь в Окружной суд. Немедленно. Приказ следователя по особо важным делам господина фон Штейна.

Веденин чуть приподнял бровь:

— Позвольте, любезный. При суде состоит штатная коллегия переводчиков. Господин Ливен прекрасно справляется с французским и немецким, а старик Бабаянц — с восточными наречиями. Моя практика — вольная, частная.

Пристав наклонился ближе, обдав Михаила Андреевича запахом валерьяновых капель и застарелого страха:

— Ливен... не вышел на службу во вторник. Бабаянц исчез позавчера прямо из своей квартиры на Пресне. Дверь заперта на засов изнутри, а человека нет. Никого нет, понимаете? Господин фон Штейн велел доставить именно вас. Плата — пятьдесят

рублей золотом за один час работы.

Сумма была баснословной — полугодовой доход мелкого служащего. Но опытный ум Веденина насторожили не деньги, а имя Бабаянца. Старый армянин был педантом до мозга костей и никогда бы не оставил свои словари без предупреждения.

— Паша, — Веденин поднялся, — собирай бумаги. Ты идёшь со мной.

Паша, который уже было потянулся за чаем, замер с чашкой в руке:

— Я? В суд? Михаил Андреевич, я же... я же не одет. И у меня перо сломано. И я, кажется, оставил очки в лавке у Прянишникова...

— Возьмёшь мои запасные. И перестань

причитать. — Веденин аккуратно сложил бумаги в потёртый кожаный портфель. — Если там действительно что-то серьёзное, мне понадобится человек, который переписывает быстрее, чем я думаю. А ты единственный, кто это умеет.

Паша просиял — и тут же погрустнел:

— А если меня арестуют?

— За что?

— Не знаю. На всякий случай.

— Не арестуют, — заверил Веденин. — Раз господин фон Штейн так щедр, не будем заставлять правосудие ждать.

III

Здание Окружного суда на Варварке встретило их гулкой, почти могильной тишиной. Обычно в этих коридорах кипела жизнь: шуршали подолами просительницы, спорили стряпчие, звенели шпорами жандармы. Сегодня же запертые дубовые двери казались глухими стенами склепа, а редкие писцы жались к углам, испуганно поглядывая на входящих.

Паша шёл рядом, прижимая к груди папку с бумагами, и вертел головой с таким видом, будто попал в театр на премьеру.

— Михаил Андреевич, — прошептал он, — а ведь здесь раньше был дом князя Голицына. Я читал. В подвале до сих пор сохранились своды шестнадцатого века. Представляете, сколько здесь всего произошло?

— Представляю, — сухо отозвался Веденин. — Паша, сосредоточься. Мы не на экскурсии.

— Простите. — Паша виновато опустил голову и тут же налетел на стойку с бумагами, едва не рассыпав папку. — Ой. Простите. Я нечаянно.

Пристав провёл Веденина в дальнее, закрытое для публики крыло и постучал условным стуком в тяжёлую дверь с медной табличкой: «Следователь по особо важным делам К. Э. фон Штейн».

Замки щёлкнули дважды. Дверь приоткрылась, и их впустили внутрь.

Кабинет утопал в полумраке — тяжёлые бархатные шторы были наглухо задёрнуты,

горела лишь одна настольная лампа под зелёным абажуром. За массивным столом сидел Константин Эдуардович фон Штейн. Веденин знал его заочно: это был сухой, педантичный следователь с железной репутацией трезвомыслящего законника. Сейчас же перед ним сидел старик с воспалёнными, налитыми кровью глазами и лицом цвета лежалого воска.

— Оставьте нас, Родионов. Ждите за дверью и никого не впускайте, — хрипло бросил следователь приставу. Когда за тем закрылась дверь, фон Штейн повернулся к Веденину. — Подпишите формуляр о неразглашении государственной и следственной тайны, Михаил Андреевич. Без этого я не имею права показать вам даже обложку.

Веденин без лишних слов достал свою

серебряную перовую ручку — подарок университетского наставника, с которым не расставался пятнадцать лет, — и размашисто поставил подпись.

— Я слушаю вас, Константин Эдуардович.

Следователь достал из несгораемого сейфа плоский металлический ящик, отпер его крошечным ключом и выложил на зелёное сукно стола кожаный бювар, опечатанный сургучными печатями без гербов — на них был выдавлен лишь странный геометрический знак: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

— Это изъято позавчера в особняке барона Корфа после его... внезапной кончины, — тихо заговорил фон Штейн. — Ливен успел прочесть три строки, прежде чем пропал.

Бабаянц держал их в руках в четверг вечером. Я не верю в мистику, Веденин. Я материалист. Но люди растворяются в воздухе. Переведите мне хотя бы заглавие. Скажите, с чем мы имеем дело: с заговором, с кодом шпионов или с безумием?

Паша, стоявший у двери, тихонько охнул. Веденин обернулся к нему:

— Паша, садись вон там, у стены. И записывай всё, что я буду говорить. Каждое слово. Понял?

— Каждое слово, — повторил Паша, усаживаясь и доставая перо. — Я готов.

IV

Следователь надрезал шнуры скальпелем,

откинул крышку бювара и отодвинулся к спинке кресла, словно внутри лежала ядовитая гадюка.

Михаил Андреевич наклонился над столом.

Внутри лежали три плотных листа. Это была не обычная тряпичная бумага и даже не стандартный пергамент. Материал отдавал сероватым перламутром и на ощупь показался Веденину неестественно холодным, точно кусок речного льда.

Текст был нанесён густыми, угольно-чёрными чернилами от руки. Почерк — мелкий, острый, безупречно ровный.

Веденин прищурился, мобилизуя всю свою память. Первое впечатление обманчиво подсказывало латынь, но это была не она.

Строки состояли из архаичного арамейского корня, оплетённого раннесредневековыми латинскими флексиями и вкраплениями знаков, похожих на алхимические глифы шестнадцатого века.

— Невероятно... — пробормотал Веденин.

Стоило ему вчитаться в первую фразу, как в висках возникло странное давящее покалывание, а во рту появился металлический привкус меди. Буквы на мгновение словно шевельнулись, меняя очертания. Опытный разум переводчика сразу ухватил структуру: это был не просто язык, это была сложнейшая полифоническая тайнопись. Текст читался одновременно по горизонтали и по диагоналям.

Веденин едва не произнёс первую фразу

вслух — привычка переводчика, который всегда проверяет ритм гортанью, — но что-то остановило его. Не разум. Разум как раз требовал звука. Остановила рука: пальцы сами, судорожно, вцепились в серебряную ручку, и холод металла отрезвил. Он прочёл фразу глазами. Только глазами. И покалывание в висках отступило, будто отхлынуло.

Тогда он ещё не знал, что это спасло ему жизнь.

— Паша, — негромко позвал Веденин, — ты записал?

— Записал, Михаил Андреевич, — отозвался Паша от стены. — Но, простите, у меня перо зацепилось за... за... кажется, я посадил кляксу на слово «врата». Можно я перепишу?

— Перепишешь потом. Пока просто слушай.

— Слушаю. — Паша замер, и его перо застыло над бумагой.

— Вы можете это разобрать? — в голосе фон Штейна звучала неприкрытая мольба.

— Это не шпионаж, — не отрывая взгляда от пергамента, произнёс Михаил Андреевич. Его пальцы машинально сжали серебряную ручку. — Первый абзац гласит: «...ибо врата не имеют засова, кроме взгляда того, кто произнесёт имя смотрящего...». Дальше идёт перечисление именований. Очень древняя форма диалекта, на котором говорили в долинах южной Франции до альбигойских войн. Но здесь есть второй слой. Чтобы составить ключ, мне нужны таблицы

соответствий и покой.

Веденин быстро перенёс четыре ключевых символа в свою карманную записную книжку.

— Забирайте копии, делайте что угодно, — лихорадочно зашептал следователь. — Но оригинал я обязан сдать в архив особого отдела через два часа. Приходите ко мне завтра в восемь утра с расшифровкой. Вот ваш аванс.

Штейн бросил на стол тяжёлый бумажник с золотыми червонцами.

Михаил Андреевич спрятал записную книжку во внутренний карман пальто, аккуратно закрыл крышку бювара, кивнул следователю и вышел в коридор. Паша, спотыкаясь, последовал за ним.

V

Тяжёлая дверь кабинета со щелчком захлопнулась за его спиной.

Веденин сделал несколько шагов по тёмному коридору, вдыхая спёртый казённый воздух. Металлический привкус на языке не исчезал, виски всё ещё ныли тупой болью. Он машинально сунул руку в правый карман пальто, затем в карман жилета.

Пусто.

Серебряная ручка. Он оставил её на столе следователя, прямо возле раскрытого бювара.

— Паша, — обернулся Веденин, — ты не видел мою ручку?

Паша хлопнул себя по карманам:

— Нет, Михаил Андреевич. Я свою тоже, кажется, где-то оставил. Или не свою. Или не оставил. — Он растерянно огляделся. — Простите. Я не помню.

Михаил Андреевич досадливо поморщился. Подарок покойного профессора был его единственным талисманом. С момента выхода из кабинета прошло не более полутора минут — пристав Родионов даже не успел отойти от конца коридора.

Веденин вернулся к двери с табличкой «К. Э. фон Штейн» и негромко постучал костяшками пальцев.

— Константин Эдуардович, прошу прощения.

Я оставил перо.

Тишина.

Веденин постучал громче. Ответа не последовало. Он взялся за латунную ручку — к его изумлению, замок не был заперт. Ручка легко поддалась вниз, и дубовая дверь бесшумно отворилась.

— Константин Эдуа...

Слова застряли у Михаила Андреевича в горле.

Кабинет был пуст.

Зелёная лампа всё так же ровно освещала стол. На фарфоровом блюдце стоял стакан с чаем — от него тонкими струйками ещё поднимался горячий пар. Рядом лежала

забытая серебряная ручка Веденина.

Но самого следователя фон Штейна в комнате не было.

Веденин быстрым шагом подошёл к столу. Кожаный бювар с пергаментами лежал распахнутым. Чернила на служебном бланке, где следователь только что делал пометку, ещё блестели, не успев высохнуть.

Михаил Андреевич бросился к окнам. Все три массивные рамы были наглухо заперты на тяжёлые чугунные шпингалеты изнутри. Портьеры не колыхались. Никаких потайных дверей или шкафов за спинкой кресла не существовало — сплошная кирпичная кладка, выкрашенная казённой охрой.

В коридоре послышались торопливые шаги

пристава Родионова. За ним, бледный как полотно, семенил Паша.

— Господин Веденин? Вы что-то забыли? А где Константин Эдуардович? — Родионов заглянул в кабинет и попятился. — Господи! Он же... он же только что был здесь!

Паша заглянул через плечо пристава и тихо, очень тихо, произнёс:

— Михаил Андреевич... а чай-то ещё горячий.

Михаил Андреевич медленно повернулся к приставу. Его сердце глухо и тяжело ударило в рёбра. В кармане пальто его записная книжка с перерисованными знаками внезапно обожгла грудь ледяным, могильным холодом.

Он коснулся страниц. И теперь он знал

совершенно точно: цепочка не прервалась. Очередь дошла до него.

— Паша, — сказал Веденин, и голос его был странно спокоен. — Бумаги при тебе?

— При мне. — Паша прижал к груди папку. — Всё записано. Всё, что вы говорили.

— Хорошо. — Веденин взял со стола свою серебряную ручку. — Мы уходим. Немедленно.

———

Глава 2. Пыль архивов и холодный след

I

Пристав Родионов застыл на пороге кабинета, вцепившись побелевшими пальцами в

латунную ручку двери. Его челюсть мелко подрагивала, а глаза расширились до предела, отражая зеленоватый свет лампы.

— Константин Эдуардович?.. — сипло позвал он в пустоту комнаты. — Господин следователь?..

Михаил Андреевич Веденин не стал терять ни секунды. В экстремальных ситуациях его тридцативосьмилетний опыт и привычка к строгой логике брали верх над паникой. Он молча шагнул к столу, забрал свою серебряную ручку и быстрым движением смахнул в карман пальто клочок промокательной бумаги, на котором фон Штейн делал свои последние пометки.

— Он... он только что был здесь, — пролепетал пристав, озираясь по сторонам и

пятясь назад. — Окна заперты. Дверь на виду... Куда он делся, господин Веденин?!

— Успокойтесь, Родионов, — негромко, но властно произнёс Веденин, подходя к чиновнику вплотную. — Если вы сейчас поднимете крик, первым, кого арестует комендант суда по подозрению в убийстве или содействии побегу, будете вы. Вы стояли у единственной двери.

Пристав побледнел ещё сильнее, судорожно сглотнув:

— Но я... я ничего не делал! Я только вас привёл!

— Вот именно. Опечатайте кабинет, заприте замок и немедленно доложите председателю суда. А мне здесь оставаться не с руки. Чем

меньше посторонних людей замешано в этом протоколе до прибытия жандармерии, тем лучше для нас обоих.

Паша, всё ещё стоявший у двери, вдруг поднял руку:

— Простите, господин пристав. А можно вопрос?

— Какой ещё вопрос?! — рявкнул Родионов.

— А вы не заметили, — Паша говорил тихо, вежливо, но с той странной настойчивостью, которая иногда появлялась у него в самые неподходящие моменты, — не заметили ли вы, что дверь была заперта изнутри? Когда мы уходили, господин следователь закрыл её на ключ. Я слышал, как щёлкнул замок. А теперь она открыта.

Родионов уставился на него, как на привидение.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, — Паша пожал плечами. — Просто заметил. Я всегда замечаю мелочи. Это... это, наверное, от рассеянности. Когда я рассеян, я замечаю всё вокруг. А когда сосредоточен — ничего не вижу.

Веденин бросил на него быстрый взгляд. В этом был весь Паша: он мог забыть, куда положил очки, но замечал то, что ускользало от внимания самых опытных сыщиков. И сейчас он, кажется, был прав: дверь действительно была заперта изнутри.

— Родионов, — сказал Веденин, —

опечатайте кабинет и никого не впускайте. Никого. Поняли?

— Понял, — выдавил пристав.

Веденин взял Пашу за локоть и быстро зашагал по полутьмному сводчатому коридору к западному выходу, ведущему в тихий Варваринский переулок.

II

Сырой октябрьский вечер обрушился на них волной холодного воздуха. Веденин поднял воротник пальто, надвинул котелок на лоб и быстрым шагом направился в сторону Лубянской площади, время от времени проверяя, нет ли за ним слежки.

Паша семенил рядом, прижимая к груди папку.

— Михаил Андреевич, — прошептал он, — а куда мы идём?

— Ко мне. На Мясницкую. Там будем думать.

— А если за нами следят?

— Тогда мы их увидим. Или они нас. В любом случае, лучше знать, чем не знать. — Веденин свернул в переулок. — Паша, ты записал всё, что я читал вслух?

— Всё. Каждое слово. Даже то, что вы пробормотали себе под нос. Простите, я не должен был подслушивать.

— Должен был. Это твоя работа. — Веденин на ходу достал записную книжку. — Сверь с моими записями. Четыре символа. Первый —

круг с тремя линиями. Второй — арамейская вязь, похожая на «шин». Третий — латинская «F» с закорючкой. Четвёртый — что-то вроде алхимического знака соли.

Паша открыл папку, пробежал глазами по листу и уверенно кивнул:

— Всё совпадает. Только у меня четвёртый символ записан чуть иначе — я подумал, что это не соль, а ртуть. У него хвостик загнут влево, а не вправо.

Веденин остановился.

— Покажи.

Паша протянул лист. Веденин вгляделся — и тихо присвистнул.

— Ты прав. Это ртуть. Алхимический знак ртути. — Он поднял глаза на Пашу. — Ты понимаешь, что это значит?

— Что я ошибся?

— Что ты не ошибся. — Веденин сунул лист обратно. — Если четвёртый символ — ртуть, то формула читается иначе. Не как «врата», а как «жидкие врата». Или «переменчивые врата». Это меняет всё.

— Простите, — Паша виновато потупился. — Я не хотел вас сбивать.

— Ты не сбил. Ты спас. — Веденин зашагал быстрее. — Если бы я пошёл по неверному следу, я бы, возможно, прочёл формулу вслух, как фон Штейн. И тогда...

Он не договорил. Паша всё понял и так.

III

В кармане на груди записная книжка с четырьмя скопированными символами по-прежнему ощущалась ледяным бруском, словно вытягивая тепло из тела.

Его квартира находилась на третьем этаже доходного дома на Мясницкой. Здесь, среди высоких книжных шкафов, рядов пожелтевших фолиантов на греческом, латыни и арамей-

ском, пахло сухой бумагой, сургучом и трубочным табаком — привычным миром фактов и строгой науки, который сегодня дал трещину.

Веденин запер дубовую дверь на два оборота засова, не зажигая верхнего света, прошёл к

рабочему столу и зажёг керосиновую лампу под зелёным стеклянным абажуром.

— Паша, садись. — Он указал на стул напротив. — Первым делом — перепиши всё, что у тебя в папке. Набело. В трёх экземплярах. Один оставим здесь, два спрячем в разных местах. Если с нами что-то случится, эти записи должны остаться.

— С нами что-то случится? — Паша побледнел, но сел и достал перо. — Михаил Андреевич, я, конечно, всё сделаю. Но... вы уверены, что мы не преувеличиваем?

— Фон Штейн исчез у меня на глазах. Из запертого кабинета. С горячим чаем на столе. — Веденин раскрыл латинский палеографический атлас. — Если это преувеличение, то я — китайский император.

Он положил перед собой блокнот.

— «Ибо врата не имеют засова, кроме взгляда того, кто произнесёт имя смотрящего...» — вслух прошептал Веденин, вглядываясь в центральный глиф — круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

И в этот момент Веденин понял, что именно упустил следователь фон Штейн.

На промокашке, которую Михаил Андреевич смахнул со стола в суде, фон Штейн успел записать три слова — и все три были написаны фонетически, русскими буквами, как записывают иностранное слово на слух: «ИБО-ВРА-ТА». Следователь не переводил. Следователь проговаривал. Он составлял звуковую цепочку — и на третьем слоге его не

стало.

Веденин отложил лупу. Символы на пергаменте не были буквами для чтения. Они были фонетической ловушкой — акустическим кодом, который резонировал с пространством только тогда, когда человек складывал их в единое слово вслух. Дверь открывалась не ключом. Дверь открывалась голосом. И тот, кто стоял слишком близко к ней, когда она отворялась, — входил.

— Паша, — очень тихо сказал Веденин, — ты записал «ИБО-ВРА-ТА»?

— Записал. — Паша поднял голову. — А что?

— Никогда. Не читай это вслух. Никогда. Даже шёпотом. Даже про себя — старайся не проговаривать. Понял?

Паша медленно кивнул.

— Понял. А почему?

— Потому что тот, кто произнесёт эти три слога, исчезнет. Как фон Штейн. Как Ливен. Как Бабаянц. — Веденин посмотрел ему прямо в глаза. — Ты понял, Паша? Это не шутка. Это не литература. Это... — он подыскивал слово, — это дверь. И она открывается голосом.

Паша молчал. Потом очень аккуратно, очень бережно закрыл папку и положил перо.

— Михаил Андреевич, — сказал он, — я, кажется, забыл, где оставил очки. Но это не важно. Я всё запомнил. И я никому ничего не скажу. Никогда.

— Хорошо, — Веденин вздохнул. — Тогда садись и переписывай. И постарайся не думать о том, что ты пишешь.

— Постараюсь, — Паша снова взял перо. — Хотя это будет трудно. Я всегда думаю о том, что пишу. Это моя работа.

— Тогда думай шёпотом.

Паша хмыкнул — и принялся за работу.

———

Глава 3. Ночной гость и особняк на Знаменке

I

В квартире на Мясницкой стояла мёртвая,

гулкая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем настенных часов фирмы «Павелъ Буре» и скрипом пера Паши по бумаге.

Михаил Андреевич Веденин замер над раскрытым блокнотом. Открытие обжигало рассудок: текст не предназначался для чтения вслух. Стоило человеку сложить эти проклятые звуки в единую гортанную цепочку, как тончайшая ткань реальности вокруг него надрывалась. Фон Штейн в своём кабинете наверняка попытался прочесть первую строку без свидетелей — и растворился без следа.

Веденин медленно перевёл дух, аккуратно закрыл палеографический атлас и положил на него тяжёлое медное пресс-папье.

— Паша, — позвал он, — ты закончил первый

экземпляр?

— Почти. — Паша поднял голову от бумаг и почесал пером за ухом. — Осталось три строки. Но, Михаил Андреевич, у меня кончились чернила. Я, кажется, оставил запасную склянку в лавке у Прянишникова.

Веденин вздохнул.

— Возьми мои. В верхнем ящике.

Паша встал, порылся в ящике, извлёк чернильницу и вернулся к столу. И тут же, не глядя, поставил её прямо на лист с переводом.

— Паша!

— Ой! — Паша схватил чернильницу, но было поздно: на листе расплылось тёмное пятно. —

Простите, Михаил Андреевич. Я сейчас перепишу. Я быстро. Я...

— Потом, — перебил Веденин. — Сейчас не до этого.

Вдруг тишину разрезал резкий, сухой звук.

Тук. Тук. Тук.

Стучали не в парадную дверь с лестничной площадки, а в тёмное стекло окна третьего этажа.

Веденин мгновенно погасил керосиновую лампу, погрузив кабинет в глубокую синеву дождливой московской ночи. Он неслышно шагнул к стене, нащупав в ящике стола тяжёлый бельгийский револьвер системы «бульдог» — память о неспокойных годах

работы на персидской границе.

— Паша, — прошептал он, — встань за шкаф. И не высовывайся.

— А если я чихну? — так же шёпотом отозвался Паша.

— Постарайся не чихнуть.

Снаружи, прямо за оконной рамой, на узком кованом карнизе водостока примостилась человеческая фигура.

Стекло негромко звякнуло. Незнакомец не пытался выломать раму — он лишь настойчиво чертил пальцем по запотевшему стеклу знак: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

Веденин снял револьвер со взвода, оставив его в кармане, подошёл к окну и повернул массивный шпингалет.

Порыв ледяного ветра ворвался в комнату вместе с запахом мокрого угля и сырости. В образовавшийся проём ловко, с кошачьей грацией скользнула фигура в длинном непромокаемом макинтоше с глубоким капюшоном.

— Закройте скорее, Михаил Андреевич, — раздался глухой, женский, но решительный голос. — Те, кто идёт по следу Штейна, уже дежурят у парадного подъезда.

Веденин захлопнул раму, задвинул засов и, не опуская руки из кармана, чиркнул спичкой. Жёлтый огонёк выхватил из темноты лицо визитёрши.

Ей было около двадцати пяти. Тонкие, правильные черты, бледная кожа и удивительно ясные, холодные серые глаза. Из-под капюшона выбилась прядь тёмных волос, мокрых от дождя. На ней было строгое дорожное платье, совершенно неподходящее для ночных прогулок по московским карнизам.

— Вы меня не знаете, — быстро заговорила девушка, заметив настороженную позу переводчика. — Меня зовут Софья. Софья Корф. Покойный барон приходился мне двоюродным дядей.

— Барон Корф умер три дня назад, — сухо произнёс Веденин, жестом предлагая гостье сесть в кресло напротив. — А его бумаги сегодня уничтожили следователя Московского окружного суда прямо у меня на

глазах.

— Не уничтожили, — перебила Софья, её голос слегка дрогнул. — Они его... забрали. Туда же, куда ушли Ливен, Бабаянц и сам дядя.

— Откуда вы меня знаете? — спросил Веденин, не убирая руки из кармана.

— Я ждала у суда с трёх часов, — Софья чуть повела плечом, стряхивая с макинтоша капли. — Дядя перед смертью назвал три имени: Ливен, Бабаянц и Веденин. Сказал: «Если что случится — иди к тому, кто у Ильинских ворот. Он единственный, кто читает не глазами, а умом». Когда вас повели в кабинет фон Штейна, я поняла, что времени не осталось. Я проследила, как вы вышли, и дошла до Мясницкой дворами. На карниз забралась по пожарной лестнице с чёрного хода — там

замок сломан ещё с прошлой зимы.

Паша, всё ещё стоявший за шкафом, высунул голову:

— Простите, сударыня. А вы не простудитесь? На дворе октябрь, а вы в одном макинтоше. У меня есть плед. Шерстяной. Немного колючий, но тёплый.

Софья обернулась и впервые за всё время улыбнулась — уголками губ, едва заметно.

— Спасибо. Плед был бы кстати.

II

Софья сбросила мокрый макинтош и достала из кармана плоский металлический медальон на серебряной цепочке. По его ободу вилась

та же самая зловещая вязь, что и на полях судебных пергаментов.

— Дядя нашёл эти свитки не в Москве, — зашептала она, глядя прямо в глаза Веденину. — Два года назад он вернулся из экспедиции на озеро Ван в Анатолии. Он привёз три листа из так называемой «Хроники Исхода». Он был одержим расшифровкой. Но когда понял истинную суть языка — было уже поздно.

— В чём суть? — прищурился Веденин. — Я перевёл начало: это акустический код.

— Это координаты, — тихо ответила Софья. — То, что вы называете древним диалектом, — геометрия звука. Тот, кто произносит имена, сам становится дверью. Но свитки в суде были лишь копией! Черновым списком, снятым бароном. Подлинный, полный текст

замурован в тайнике его дома на Знаменке.

Она наклонилась вперёд:

— Завтра в полдень Охранное отделение и тайная ложа «Искателей Первоосновы» вскроют особняк и перевернут его вверх дном. Если они завладеют первоисточником и научатся управлять этим... вратами — исчезать начнут целые кварталы. Мне нужен лучший переводчик Москвы. Тот, кто не станет слепо читать вслух, а сумеет сломать ключ.

— Но зачем им это? — Веденин поставил лампу ровнее.

— Они верят, что за вратами — не пустота, — Софья сжала медальон в кулаке. — Дядя называл их «Искателями Первоосновы». Это не шпионы и не революционеры. Это секта

учёных и сановников, которые считают, что за гранью лежит первоисточник всякой материи. Они хотят не уничтожать — они хотят черпать. А то, что при этом исчезают люди, их не смущает. Люди для них — расходный материал на пути к знанию.

Веденин молчал с полминуты.

Его аналитический ум взвешивал факты. Бежать? Бесполезно: в кармане записная книжка, на пальцах осталась пыль пергамента, а внизу у подъезда, если верить Софье, уже стоят соглядатаи. Выхода не было — единственный путь к спасению лежал через разгадку источника.

— На Знаменке выставлены жандармские посты? — спросил Михаил Андреевич деловым тоном.

— Парадный опечатан, — блеснули глаза Софьи. — Но старый графский погреб имеет ход через систему подземных русел реки Черторый. Я знаю дорогу.

— В таком случае, сударыня, не будем терять времени до рассвета. Показывайте ваш ход. — Веденин обернулся. — Паша, ты идёшь с нами.

Паша, который как раз закутывался в плед, замер:

— Я? В подземелье? Михаил Андреевич, я же... я же там заблужусь. Я всегда заблуждаюсь. Я даже в собственной квартире иногда не могу найти дверь.

— Не заблудишься. Будешь держаться за мой рукав. И записывать всё, что я скажу. —

Веденин взял саквояж. — И ещё, Паша. Возьми с собой побольше бумаги. И чернил. И, ради всего святого, не потеряй их по дороге.

— Постараюсь, — Паша вздохнул. — Но не обещаю.

———

Глава 4. Подземные воды Черторыя

I

Спуск в чрево Москвы начался в глухом тупике за церковью святителя Николая в Звонарях.

Софья Корф уверенно отодвинула проржавевшую железную решётку ливневого стока, скрытую за кустами разросшейся

бузины. Оттуда пахнуло сырой глиной, плесенью и застарелым холодом подземелий.

— Держитесь ближе, Михаил Андреевич, — бросила она шёпотом, первой соскальзывая на скользкие каменные ступени. — Если оступитесь, Черторый в это время года унесёт прямо в Москву-реку.

Веденин зажёг складной карманный фонарь с узким лучом. Жёлтый круг света выхватил старинную кирпичную кладку времён Екатерины Великой. Вода под ногами журчала чёрным, вязким потоком, доходя до щиколоток.

Паша, шедший последним, прижимал к груди папку с бумагами и вертел головой.

— Михаил Андреевич, — прошептал он, — а

вы знаете, что эти коллекторы строил сам генерал-губернатор Чернышёв? Я читал. В тысяча семьсот восемьдесят шестом году. Здесь раньше была река Неглинная, а теперь — вот это. — Он оступился и едва не упал, но удержался за стену. — Ой. Простите. Я не смотрю под ноги. Я всегда не смотрю под ноги. Это моя особенность.

— Смотри под ноги, — сухо сказал Веденин. — Особенность у тебя будет, если ты утонешь.

Они шли почти полчаса, пригибаясь под низкими сводами. Веденин, привыкший к работе с архивными планами старой Москвы, безошибочно определял их путь: сначала они миновали Неглинный коллектор, затем свернули на юго-запад, углубляясь под фундаменты древнего Белого города.

— Вы держитесь поразительно спокойно для барышни из высшего общества, — негромко заметил Михаил Андреевич, поддерживая Софью на повороте у размытого водобойного уступа.

— Когда твой опекун годами запирается в лаборатории с манускриптами, от которых бьёт током и скисает вино в погребах, привыкаешь ко многому, — отозвалась Софья. В её голосе не было страха, только сухая, горькая сосредоточенность. — Дядя не всегда был безумцем. До экспедиции в Анатолию он был учёным. Но тот, кто прикоснулся к языку Первоосновы, перестаёт принадлежать себе.

Паша, шедший за ними, вдруг остановился.

— Михаил Андреевич, — сказал он очень тихо, — а тут кто-то есть.

Веденин замер.

— Где?

— Впереди. За поворотом. — Паша показал пальцем. — Я слышу дыхание. И... шаги. Один человек. Идёт медленно. Хромает на левую ногу.

Веденин прислушался. И действительно — из темноты, из-за поворота, доносились тихие, неровные шаги.

— За мной, — прошептал он. — Тихо.

II

За поворотом, в круглом колодце, где сходились несколько коллекторов, стоял

человек. Он был высок, худ, в длинном пальто и с тростью. Лицо его, освещённое фонарём Веденина, было бледным и усталым, но глаза смотрели остро и внимательно.

— Михаил Андреевич Веденин, — сказал человек. Голос у него был хриплый, простуженный. — Я ждал вас.

— Кто вы?

— Николай Валерьянович Глебов. — Человек слегка поклонился. — Бывший член ложи «Искателей Первоосновы». А ныне — книготорговец и, как видите, ночной сторож московских подземелий. — Он усмехнулся. — Не удивляйтесь. Я знал барона. Он предупредил меня, что вы придёте. И что вам понадобится помощь.

Веденин не опустил фонарь.

— Барон умер три недели назад. Как он мог вас предупредить?

— Письмом. — Глебов достал из кармана сложенный вчетверо лист. — Оно пришло через два дня после его смерти. Барон был предусмотрителен. Он знал, что «Искатели» придут за ним, и оставил несколько писем разным людям. Мне — это.

Веденин взял письмо, пробежал глазами. Почерк был знакомый — тот же, что на пластине: «Миша. Если ты это читаешь — значит, я не успел...» Но здесь было другое: «Николай. Если Веденин придёт — помоги ему. Он единственный, кто сможет запечатать врата. И не верь Бреннеру. Он продаст всех».

— Бреннер, — повторил Веденин. — Кто это?

— Аркадий Львович Бреннер. Человек в пенсне. — Глебов поморщился. — Глава ложи. Он не фанатик. Он делец. Он хочет продать врата тому, кто больше заплатит. А платить готовы многие.

Софья выступила вперёд:

— Вы знаете, где пластина?

— Знаю, — кивнул Глебов. — Но сначала — вот. — Он протянул Веденину небольшую медную коробочку. — Это резонатор. Старый, ещё из первой ложи. Он гасит звук. Если вы сможете подобраться к пластине и прочесть формулу «засова» через резонатор — эффект будет направленным. Врата запечатаются, а вы останетесь целы.

— Почему вы нам помогаете? — тихо спросила Софья.

Глебов помолчал.

— Потому что я трус, — сказал он просто. — Я хотел жить. И я до сих пор хочу жить. Но я устал бояться. — Он посмотрел на Веденина. — Возьмите. И постарайтесь не умереть. Мне будет стыдно, если я отдал эту вещь зря.

III

Они остановились перед глухой стеной из крупного белого известняка. Это был цоколь особняка барона на Знаменке.

Софья достала свой серебряный медальон и прижала его к неприметному выступу между

камнями на высоте человеческого плеча. Раздался глухой скрежет противовесов — часть стены медленно подалась внутрь, открывая узкий лаз в винный погреб.

Они выбрались в просторное подвальное помещение. Пахло дубовыми бочками, сухим шалфеем и странным, металлическим озоновым запахом — точно таким же, какой Веденин почувствовал в кабинете исчезнувшего следователя.

— Мы на месте, — выдохнула Софья, выбираясь на сухой пол. — Личный кабинет дяди этажом выше.

Веденин поднял руку, призывая к тишине.

Сверху, сквозь массивные дубовые перекрытия, донеслись тяжёлые,

размеренные шаги. Скрипнула половица. Затем послышался глухой металлический стук — словно кто-то методично простукивал стены молотком.

— Они уже здесь, — одними губами произнесла девушка. — «Искатели» не стали ждать полудня.

Паша, бледный как мел, прижался к стене.

— Михаил Андреевич, — прошептал он, — а если они нас найдут?

— Не найдут, — сказал Веденин. — Мы поднимемся по винтовой лестнице для прислуги. В обход парадной анфилады. — Он обернулся к Глебову. — Вы идёте с нами?

— Нет, — покачал головой Глебов. — Я

останусь здесь. Если что-то пойдёт не так — я создам шум. Отвлеку их. — Он слабо улыбнулся. — Мне не привыкать.

Веденин кивнул.

— Спасибо.

— Не благодарите. Просто запечатайте врата. — Глебов отступил в тень. — И, Веденин... не верьте Бреннеру. Он умён. Он всегда на шаг впереди. Но у него есть слабость: он не умеет читать промежутки. Он думает, что всё можно купить. Даже то, что не продаётся.

IV

Михаил Андреевич жестом указал на узкую винтовую лестницу для прислуги. Ступая бесшумно, они поднялись наверх.

Кабинет барона Корфа являл собой странное зрелище. Высокие витражные окна с видом на Знаменку были занавешены плотным бархатом. Вдоль стен высились стеллажи с фолиантами, астролябиями и геологическими образцами. В центре комнаты стоял массивный стол из морёного дуба, заваленный чертежами.

Но главное находилось на дальней стене.

Там висела огромная карта древнего Междуречья, а прямо поверх неё углём и несмываемыми чернилами была выведена гигантская круговая диаграмма шифра. В центре круга зияла пустая ниша, обрамлённая пластинами из тёмной бронзы.

— Тайник там, — Софья указала на нишу. —

Дядя запечатал его сам, ещё до того, как понял, во что ввязался. Он оставил в дневнике формулу, но записал её наоборот — палиндромом на мёртвом хеттском наречии. Прямая формула открывает врата и затягивает того, кто её произнёс. Обратная — отмыкает замок и не делает ничего больше. Дядя был осторожен: он хотел, чтобы тайник мог открыть только тот, кто поймёт, что читать надо справа налево.

Веденин подошёл к столу, бегло осмотрел разбросанные записи и включил весь свой опыт палеографа.

Его пальцы замелькали по страницам. Строки, которые привели бы в ужас академического профессора, складывались в его голове в чёткую грамматическую матрицу.

— Это не просто палиндром, — прошептал Михаил Андреевич, и его глаза лихорадочно блеснули. — Это формула обратной тяги. Если прочесть слева направо — портал открывается и затягивает наблюдателя. Но если прочесть его справа налево с гортанным придыханием...

— Михаил Андреевич, — вдруг сказал Паша, который стоял у стеллажа и рассматривал корешки, — а тут ещё одна записка. На полях дневника. Совсем свежая. Чернила ещё блестят.

Веденин обернулся.

— Где?

— Здесь. — Паша показал на раскрытый дневник. — Написано по-русски. «Не верьте

тишине. Тишина — это тоже звук. Особенно когда она звучит».

Веденин подошёл, вгляделся. Почерк был тот же, что на пластине. Барон.

— Что это значит? — прошептала Софья.

— Не знаю, — сказал Веденин. — Но, кажется, барон оставил нам ещё одну загадку.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась.

———

Глава 5. Сорок строк

I

На пороге, в проёме, подсвеченном сзади

жёлтым светом коридорной лампы, стояли двое. Первый — грузный, в штатском сюртуке дурного покроя, с лицом, обтянутым той особой сытой бледностью, какая бывает у людей, привыкших, что мир принадлежит им. Второй — сухой, высокий, в пенсне, с папкой под мышкой; он держал себя так, будто пришёл на лекцию, а не на обыск.

— Госпожа Корф, — произнёс грузный, и в голосе его не было ни удивления, ни злобы — только брезгливое удовлетворение. — А с вами, судя по всему, тот самый толмач. Как предусмотрительно. Мы избавимся от двух хлопот разом.

Веденин не стал ждать. Он рванул Софью за рукав вниз, за стол, и в то же мгновение сухой человек в пенсне поднял руку — в ней была не револьвер, а небольшая медная трубочка с

раструбом.

— Паша! — крикнул Веденин. — Ложись!

Паша, который всё ещё стоял у стеллажа с дневником, упал на пол, прикрыв голову руками. Дневник он, к своему удивлению, не выпустил.

— Не читайте, — выдохнул Веденин.

Софья уже поняла. Она прижала ладонь к его губам — жест вышел почти нежным — и оба замерли.

Человек в пенсне поднёс трубочку к губам и запел. Не заговорил — запел, тихо, на одной ноте, и звук этот был странно знаком: та же гортанная цепочка, что стояла в первой строке пергамента, только вывернутая

наизнанку, как отражение в кривом зеркале.

Стены кабинета отозвались. Бронзовые пластины в центре диаграммы дрогнули. Воздух над столом пошёл рябью, как над раскалённой печью.

— Он не открывает, — прошептал Веденин, и его ум переводчика работал быстрее, чем он успевал осознать. — Он приманивает. Он поёт обратную формулу не до конца — тянет нас к нише, как магнит тянет гвоздь. Если мы подойдём — пластины сомкнутся.

— Что делать? — одними губами.

Веденин взглянул на свой саквояж. Словари. Лупа. Револьвер. И серебряная ручка.

И тогда он понял.

— Он поёт вслух, — прошептал Веденин. — А мы будем читать про себя. Быстро. Смотрите мне в глаза и повторяйте за мной одними губами, без звука. Поняли?

Софья кивнула.

Михаил Андреевич выхватил из кармана записную книжку, открыл её на четырёх символах и начал читать — глазами, одними глазами, заставляя каждую букву пройти через ум, минуя гортань. Губы Софьи беззвучно двигались вслед за ним. Обратная формула, прочитанная без голоса, не открывала и не приманивала. Она выравнивала. Воздух над столом перестал дрожать.

Человек в пенсне запнулся. Его песня сбилась.

— Что вы делаете? — грузный шагнул вперёд. — Прекратите!

— Поздно, — сказал Веденин и, не поднимаясь из-за стола, нажал на выступ между камнями — тот самый, что Софья нащупала в подвале. Механизм сработал иначе: не открыл лаз, а запечатал кабинет. Тяжёлые железные ставни рухнули на окна. Дверь с лязгом захлопнулась сама.

Грузный ударил в неё плечом. Бесполезно.

— Мы в ловушке, — прошептала Софья.

— Нет, — Веденин уже стоял у ниши, и в его руке была серебряная ручка. — Мы в сейфе. А они — снаружи.

Он вставил перо в едва заметную щель между бронзовыми пластинами — и повернул.

II

Пластины разошлись с тихим, почти музыкальным звоном.

В нише лежал свиток. Не пергамент и не бумага — тонкая, как папиросная, пластина сероватого металла, свёрнутая в тугой цилиндр и перевязанная шёлковым шнуром. На шнуре — сургучная печать с тем же знаком: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

За дверью кабинета глухо, но отчётливо, началась возня. Грузный кричал кому-то в коридоре, чтобы ломали дверь. Человек в пенсне молчал — и это молчание было

страшнее крика.

Веденин взял свиток. Металл был холодным — тем же могильным холодом, что и записная книжка у него на груди. Но едва пальцы сомкнулись на цилиндре, холод исчез. Пластина потеплела. Отозвалась.

— Он узнал вас, — тихо сказала Софья. — Дядя говорил: подлинник узнаёт того, кто способен его прочесть.

— Тогда у нас очень мало времени, — Веденин развязал шнур. — Потому что я, кажется, единственный, кто способен его не прочесть.

Он развернул пластину на столе. Металл был покрыт той же угольно-чёрной вязью — но здесь строк было не три, а сорок. И в самом

низу, у края, другой рукой, торопливо и криво, было выведено по-русски:

«Миша. Если ты это читаешь — значит, я не успел. Не произноси. Никогда. Сожги. — А. Б.»

Веденин замер.

— Это почерк дяди, — Софья побледнела. — Но он не знал никакого Мишу. Он...

— Знал, — очень тихо сказал Веденин. — Барон Алексей Борисович Корф был моим наставником в университете. Он дал мне эту ручку. Пятнадцать лет назад. И он же — единственный человек, который когда-либо называл меня Мишей.

За дверью ударили чем-то тяжёлым. Дубовая створка вздрогнула.

— Он знал, что вы придёте, — прошептала Софья. — Он всё это подстроил.

Веденин посмотрел на пластину. На сорок строк, которые нельзя прочесть вслух. На подпись наставника. И на дверь, которую вот-вот выломают.

— Паша, — позвал он. — Ты цел?

— Цел, — отозвался Паша из-за стеллажа. — И дневник цел. И даже чернила не разлил. Хотя, кажется, посадил кляксу на «Печать Молчания». Простите.

— Переживём, — сказал Веденин. — Доставай бумагу. Будешь записывать. Молча. Ни слова вслух. Понял?

— Понял, — Паша выполз из-за стеллажа и устроился на полу, разложив папку на коленях. — Я готов.

— Тогда не будем подводить барона, — сказал Веденин и достал из саквояжа лупу. — Будем читать. Молча. И очень быстро.

III

Дверь трещала по швам. Грузный бил в неё чем-то железным, и дубовые доски отзывались глухим, обречённым стоном.

Веденин не обращал внимания. Он склонился над металлической пластиной, и мир вокруг сузился до сорока строк угольно-чёрной вязи и круга света от карманного фонаря.

— Читайте вслух, но шёпотом, — бросил он

Софье, не поднимая головы. — Всё, что я скажу. Только шёпотом. Ни одного громкого звука. Если я замолчу — замолчите и вы.

— Поняла.

Он начал.

— Первая строка: «Имена, что не должно произносить, дабы не стать вратами...» Пропускаем. Вторая: «...ибо всякий, кто назовёт себя, отдаёт себя...» Пропускаем. Третья...

Его палец скользил по металлу, и ум работал с той холодной, отточенной скоростью, которая приходила к нему только в минуты крайнего напряжения. Он не переводил — он разбирал. Слой за слоем, как часовщик разбирает механизм: арамейский корень,

латинская флексия, алхимический глиф. Каждый знак имел два значения, и оба нужно было удержать в голове одновременно.

— Двенадцатая строка, — прошептал он. — Здесь есть приписка на полях. Другой рукой. По-французски: «Ne lisez pas à voix haute — le sceau se brise». «Не читайте вслух — печать сломается». Это не барон. Это кто-то другой.

— Кто? — Софья придвинулась ближе.

— Не знаю. Но он знал, о чём предупреждает.

За дверью раздался треск — верхняя петля вылетела из гнезда. Грузный торжествующе рявкнул.

— Двадцать восьмая строка, — Веденин ускорился. — Здесь формула. Полная. Прямая

и обратная. Прямая — та, что убила фон Штейна. Обратная — та, что мы читали про себя. Но есть и третья...

Он замолчал.

— Михаил Андреевич?

— Третья формула, — очень тихо сказал Веденин. — Она называется «засов». Она не открывает и не закрывает врата. Она их... запечатывает. Навсегда. Но для этого нужно...

Он поднял глаза от пластины.

— Нужно произнести её вслух. Громко. Полным голосом. В самом центре врат.

Дверь рухнула.

IV

Грузный ворвался первым, и в его руке был тяжёлый железный лом. За ним, не спеша, вошёл человек в пенсне — он уже убрал трубочку и теперь держал в руках небольшой медный сосуд с завинченной крышкой.

— Довольно, — сказал человек в пенсне. Голос у него был ровный, почти вежливый. — Госпожа Корф, отойдите от стола. Господин Веденин, положите пластину на место. Медленно.

Веденин не двинулся.

— Вы из «Искателей», — сказал он. — Значит, вы знаете, что здесь написано. Вы знаете, что произойдёт, если прочесть прямую формулу вслух.

— Знаем, — человек в пенсне чуть наклонил голову. — И именно поэтому мы не станем её читать здесь. Мы доставим пластину в лабораторию, где стены достаточно толсты, чтобы выдержать резонанс. А вы двое... вы нам больше не нужны.

Грузный шагнул вперёд, поднимая лом.

— Стоять! — Веденин схватил серебряную ручку и приставил её к центру диаграммы — к тому самому месту, где сходились три ломаные линии. — Ещё шаг — и я произнесу прямую формулу. Прямо здесь. В самом центре врат. Вы знаете, что тогда будет.

Человек в пенсне замер. Впервые за всё время на его лице появилось что-то похожее на эмоцию — холодная, расчётливая тревога.

— Вы блефуете.

— Я переводчик, — сказал Веденин. — Я тридцать восемь лет живу словом. И я никогда не блефую словами. Это моё ремесло.

Грузный перевёл взгляд с Веденина на человека в пенсне. Лом в его руке дрогнул.

— Он не станет, — процедил человек в пенсне. — Он умрёт вместе с нами.

— Умру, — согласился Веденин. — Но вы не получите пластину. А без неё ваша лаборатория — просто комната с толстыми стенами. Вы два года шли за этой вещью, барон Корф отдал за неё жизнь. И вы готовы потерять всё из-за одного упрямого толмача?

Тишина в кабинете стала физической. Слышно было, как капает вода в подвале и как тяжело, с присвистом, дышит грузный.

Паша, всё ещё сидевший на полу с папкой на коленях, вдруг поднял руку:

— Простите, что перебиваю. Но у меня вопрос.

— Какой ещё вопрос?! — рявкнул грузный.

— А вы не заметили, — Паша говорил тихо, вежливо, но с той странной настойчивостью, которая иногда появлялась у него в самые неподходящие моменты, — что в комнате стало холоднее? Намного холоднее. И часы остановились. Вон те, на стене. Они показывают без пяти двенадцать. И не идут.

Все обернулись. Часы на стене действительно

стояли. Стрелки замерли на без пяти двенадцать.

— Это значит, — Паша поднялся с пола, — что врата уже открыты. Не полностью. Но достаточно, чтобы время здесь пошло иначе. И если мы не запечатаем их сейчас — они откроются сами. Без формулы. Без пластины. Просто потому, что мы слишком долго здесь находимся.

Человек в пенсне побледнел.

— Мальчик прав, — тихо сказала Софья. — Дядя писал об этом. Врата имеют свою волю. Если их не запечатать — они запечатают себя сами. Вместе со всем, что рядом.

V

— Чего вы хотите? — наконец спросил человек в пенсне.

— Пропустите нас, — сказал Веденин. — Нам нужен подземный ход. Мы уйдём, вы останетесь с пластиной. Но я оставлю вам копию обратной формулы — той, что открывает тайник, не активируя врата. Вы сможете работать с пластиной, не рискуя исчезнуть.

— А вы?

— А мы уйдём достаточно далеко, чтобы вы нас не нашли. — Веденин пожал плечами. — В Москве много подземных ходов. Я знаю больше, чем вы думаете.

Человек в пенсне молчал. Грузный перевёл дыхание, и лом в его руке опустился на

вершок.

— Копия, — сказал наконец человек в пенсне. — Сейчас. На моих глазах.

Веденин вырвал лист из записной книжки и быстро, размашисто, перенёс обратную формулу — ту, что они читали про себя. Он знал, что делает: формула работала только при чтении справа налево и только без голоса. Человек в пенсне со своей трубкой не сможет её использовать. Но он этого не поймёт — по крайней мере, не сразу.

— Держите.

Человек в пенсне взял лист, пробежал глазами, кивнул.

— Уходите. Через подвал. И если я увижу вас

снова — пеняйте на себя.

Веденин сгрёб пластину со стола — человек в пенсне дёрнулся, но смолчал, — и схватил Софью за руку.

— Паша! За мной!

Паша подхватил папку и дневник и бросился за ними.

— Свиток! — выдохнула Софья.

— Оставляю, — бросил Веденин, увлекая её к винтовой лестнице. — Нам нужна формула, а не металл.

Они скатились по лестнице в подвал. За спиной, в кабинете, человек в пенсне что-то резко приказал грузному — но Веденин уже

не слушал. Он нашарил в темноте знакомый выступ между камнями, нажал — и стена подалась внутрь, открывая лаз в подземный ход.

VI

Они бежали по коллектору, пригибаясь под низкими сводами, и вода плескалась у их щиколоток. Фонарь Веденина погас, и они шли в полной темноте, держась за руки и считая повороты.

— Вы отдали им пластину, — сказала Софья, когда они остановились перевести дух в каком-то круглом колодце, где вода сходила вниз, к Москве-реке.

— Отдал, — согласился Веденин. — Но не всё. Я запомнил формулу «засова». Все три

строки. Наизусть.

— Вы уверены?

— Я тридцать восемь лет живу словом, — повторил Веденин, и в темноте его голос звучал почти спокойно. — Я могу забыть, где оставил перо. Но формулу, которая убивает людей, — никогда.

Паша, сидевший на камне и переводивший дух, вдруг поднял голову:

— Михаил Андреевич, а я записал. Всё. Пока вы читали. Каждую строку. Каждую паузу. Даже кляксу на «Печати Молчания» поставил в нужном месте.

Веденин обернулся.

— Ты уверен?

— Абсолютно, — Паша похлопал по папке. — Я всегда всё записываю. Даже когда забываю, где очки. Бумага помнит лучше, чем я.

Софья тихо, невесело засмеялась.

— Дядя был прав насчёт вас, — сказала она.

— В чём? — спросил Веденин.

— «Он единственный, кто читает не глазами, а умом». — Она сжала его руку. — И, кажется, у него был ещё один. Тот, кто записывает не руками, а памятью.

Паша смущённо потупился.

— Ну, я... я просто переписываю. Это

несложно. Сложнее не потерять перо.

Веденин посмотрел на них обоих — на Софью, бледную, но решительную, и на Пашу, перепачканного чернилами, но счастливого.

— Куда теперь? — спросила Софья.

Веденин подумал.

— На Мясницкую. Заберём словари и деньги. Потом — в Тверь. Там у меня старый знакомый, профессор духовной академии, который всю жизнь занимается апокрифами. Если формула «засова» где-то и описана — он найдёт.

Он включил фонарь. Луч выхватил из темноты узкий, уходящий вверх колодец с железными скобами.

— А потом?

— А потом, — Веденин начал подниматься по скобам, — мы вернёмся и запечатаем врата. Навсегда. И «Искатели» узнают, что значит иметь дело с человеком, который читает молча. И с его помощником, который записывает всё — даже кляксы.

———

Продолжение следует...

———

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Глава 6. Тверь, апокрифы и один старый профессор

I

Поезд на Тверь отходил в семь утра с Николаевского вокзала. Веденин взял три места в жёстком вагоне третьего класса — не из скупости, а из осторожности: в первых классах было слишком много глаз, слишком много сановников и слишком много людей, которых могли знать в лицо.

Софья сидела у окна, в простом тёмном платье и дорожной накидке, и выглядела так, будто не спала трое суток. Впрочем, она и не спала.

Паша сидел напротив, положив папку на колени, и сосредоточенно переписывал что-то в блокнот.

— Паша, — сказал Веденин, — ты что пишешь?

— Всё, что мы видели, — отозвался Паша, не поднимая головы. — В хронологическом порядке. Чтобы потом можно было восстановить. Я, кажется, потерял очки, но это даже к лучшему — я вижу буквы внутренним зрением.

Веденин хмыкнул.

— Внутренним зрением?

— Ну, я так это называю. — Паша пожал плечами. — Когда я сосредоточен, я вижу то, что должно быть написано. Даже если не вижу самой бумаги. Это... это сложно объяснить.

Софья улыбнулась.

— А вы, Павел Сергеевич, оказывается, человек с секретами.

— У меня нет секретов, — смутился Паша. — Я просто рассеянный. И иногда вижу то, чего нет. Или не вижу того, что есть. Простите.

— Не извиняйтесь, — сказала Софья. — Это редкий дар.

Поезд тронулся. За окном поплыли мокрые поля, серое небо, редкие деревья.

— Расскажите мне о нём, — попросил Веденин, когда вагон опустел. — О бароне. Каким он был?

Софья долго молчала.

— Он был добрым, — сказала она наконец. — До Анатолии. После — стал... одержимым. Он запирался в кабинете на недели, отказывался принимать пищу, пока не расшифрует очередной фрагмент. Я думала, это безумие. А это была борьба. Он знал, что «Искатели» идут за ним, знал, что не успеет. И всё-таки успел — оставил мне медальон и записку: «Иди к тому, кто у Ильинских ворот. Он поймёт».

— Он не сказал, откуда меня знает?

— Сказал только: «Я дал ему ручку. Пятнадцать лет назад. Он ею подписал не одну бумагу, которая спасла людей. Он умеет читать между строк».

Веденин опустил глаза на серебряную ручку в своей руке.

— В университете он вёл курс палеографии. Я был его лучшим студентом. — Он помолчал. — Он говорил мне: «Миша, язык — это не слова. Язык — это то, что между словами. Научись читать промежутки — и ты прочтёшь всё».

— Он верил в вас.

— Он ошибался, — сухо сказал Веденин. — Я не сумел его спасти.

Софья ничего не ответила. За окном мелькали мокрые берёзы и серое, низкое небо.

Паша поднял голову от блокнота.

— Михаил Андреевич, а можно вопрос?

— Можно.

— А почему барон не написал вам? Ну, письмо? Как Глебову? Почему он оставил записку на пластине, а не отправил её по почте?

Веденин задумался.

— Потому что он знал, что я не поверю письму. — Он помолчал. — Или потому, что он знал, что «Искатели» читают его почту. А пластину они бы не нашли. Или нашли бы слишком поздно.

— А может, — тихо сказала Софья, — он просто хотел, чтобы вы сами прошли этот путь. Чтобы вы поняли, а не просто поверили.

Веденин посмотрел на неё.

— Может быть.

II

Профессор Илья Матвеевич Дубровин жил в одноэтажном флигеле при духовной академии, в двух шагах от Тверского кремля. Ему было семьдесят три, он был туг на одно ухо и совершенно не выносил гостей до полудня. Но Веденин знал пароль.

— Илья Матвеевич, — сказал он, когда заспанный старик в халате и войлочных туфлях открыл дверь. — «Промежутки важнее слов». Помните?

Профессор замер. Потом лицо его медленно расплылось в улыбке.

— Миша! Мальчик мой! — Он схватил Веденина за плечи и втащил в прихожую. — Ты постарел. И поседел. Хорошо выглядишь. А это кто?

— Софья Корф. Племянница барона Корфа. И Павел Куликов, мой помощник.

Паша поклонился и тут же налетел на вешалку, едва не уронив её.

— Простите. Я нечаянно. Я всегда нечаянно.

Улыбка профессора погасла.

— Алексея Борисовича? — Он отступил на шаг. — Господи. Он умер, я знаю. Мне писали. Говорили, что-то с сердцем. Но я слышал и другое...

— Что вы слышали?

— Что он нашёл то, что искал. И что за ним пришли. — Профессор перевёл взгляд с Веденина на Софью. — Проходите. Чай я вам не предлагаю — у меня только холодный, но коньяк найдётся.

III

Они сидели в кабинете, заваленном книгами и рукописями, и Веденин рассказывал. Про пергаменты, про фон Штейна, про акустический код, про сорок строк и формулу «засова».

Паша тем временем разложил на коленях папку и делал пометки — быстро, аккуратно, почти не глядя на бумагу.

Профессор слушал, не перебивая, и его лицо становилось всё более серьёзным.

— «Хроника Исхода», — сказал он, когда Веденин закончил. — Я слышал об этой рукописи. Двадцать лет назад её искал один француз, из Лионского университета. Он утверждал, что она содержит ключ к тому, что альбигойцы называли «истинным словом». Его нашли мёртвым в Марселе. Сердце.

— Значит, формула «засова» существует? — спросила Софья.

— Существует, — профессор встал и подошёл к дальнему шкафу. — Но не в «Хронике». «Хроника» — это описание. Инструкция, как открыть врата. А «засов» — это отдельный текст. Его называют «Печатью Молчания». И он, если я не ошибаюсь... — он вытащил с

верхней полки тяжёлый, переплетённый в кожу фолиант, — ...вот здесь.

Он положил книгу на стол. На обложке, вытисненный золотом, был тот же знак: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

— Это копия семнадцатого века, — сказал профессор. — Сделана с греческого оригинала, который хранился в монастыре на Афоне. Монахи отказались продать оригинал, но разрешили снять копию. Один из них сказал моему знакомому: «Эта книга не для чтения. Она для того, чтобы не читать».

— Что это значит? — Веденин подался вперёд.

— Это значит, — профессор раскрыл фолиант на середине, — что «Печать Молчания» написана не словами. Она написана...

отсутствием слов. Паузами. Пробелами. Промежутками. — Он поднял глаза. — Ты, Миша, единственный человек, которого я знаю, кто умеет читать промежутки. Алексей Борисович был прав. Ты — ключ.

Паша вдруг поднял голову:

— Простите, Илья Матвеевич. А можно я посмотрю?

Профессор удивлённо обернулся.

— Ты?

— Я переписываю за Михаилом Андреевичем. Уже три года. И я... — Паша замялся. — Я тоже умею читать промежутки. Немного. Не так, как он. Но умею.

Профессор посмотрел на Веденина. Тот кивнул.

— Он скромничает. Он замечает то, что я пропускаю. Если бы не он, я бы, возможно, прочёл формулу вслух ещё в кабинете фон Штейна.

Профессор хмыкнул.

— Что ж. Два ключа лучше, чем один. — Он подвинул фолиант Паше. — Смотри. Только не читай вслух.

Паша склонился над книгой. Его губы беззвучно двигались.

— Здесь... — прошептал он. — Здесь не паузы. Здесь... — Он поднял глаза. — Здесь ритм. Как в музыке. Если читать промежутки как ноты —

получается мелодия. А мелодия — это и есть формула.

Профессор изумлённо посмотрел на него.

— Мальчик мой, — сказал он, — ты только что решил загадку, над которой я бился двадцать лет.

Паша смутился.

— Простите. Я не хотел.

— Не извиняйся, — сказал Веденин. — Ты снова спас нам жизнь.

IV

Они просидели над фолиантом всю ночь.

К утру Веденин знал формулу «засова» наизусть — все три строки, все паузы, все придыхания. Паша записал мелодию нотами — на всякий случай, как он сказал, «чтобы бумага помнила лучше, чем я». Софья переписала всё в трёх экземплярах.

— Это надо сжечь, — сказала она, глядя на листы.

— Это надо сохранить, — возразил Веденин. — Но не в бумаге. В голове. — Он сложил свой лист, поднёс к свече и держал, пока огонь не подобрался к пальцам. — Теперь формула есть только у меня. И у вас.

— И у меня, — сказал Паша, похлопав по папке. — Но я никому не скажу. Даже если забуду, где очки. Даже если забуду, как меня зовут. Я буду помнить мелодию.

Профессор, дремавший в кресле, открыл один глаз.

— И что теперь? Вы поедете обратно? В Москву? К «Искателям»?

— Да, — сказал Веденин. — Но не сразу. Сначала нам нужен план. И кое-кто ещё.

— Кто?

Веденин посмотрел на Софью.

— Глебов. Он знает «Искателей» изнутри. И он уже помог нам однажды. Если мы сможем убедить его помочь ещё раз — у нас будет шанс.

— А если не сможем?

— Тогда, — Веденин встал, — мы справимся сами. У нас есть формула. У нас есть резонатор. И у нас есть Паша, который записывает всё, что мы делаем.

Профессор вздохнул.

— Мальчик мой, — сказал он. — Ты всегда любил сложные задачи. Но эта... эта может тебя убить.

— Я знаю, — Веденин посмотрел в окно. Над Тверью вставало серое, холодное утро. — Но если я не попробую — они убьют всех. Рано или поздно. Врата не закрываются сами.

Он обернулся.

— Мы едем в Нижний Новгород. К Глебову. А

потом — в Москву. И, Илья Матвеевич... если через неделю я не дам о себе знать — сожгите фолиант. Все копии. Все записи. Чтобы «Печать Молчания» не досталась никому.

Профессор молча кивнул.

———

Глава 7. Книжная лавка на Покровке

I

Нижний Новгород встретил их ярмаркой. Октябрь был на исходе, но город ещё гудел — купцы, лоточники, странники, богомольцы. Веденин, Софья и Паша сошли с поезда на Московском вокзале и сразу затерялись в толпе.

Книжная лавка Глебова находилась на Покровке, в старом двухэтажном доме с облупившейся штукатуркой. Вывеска была скромная: «Книги. Рукописи. Старина». Внутри пахло пылью, кожей переплётов и немного — ладаном.

За прилавком сидел человек лет пятидесяти, сухой, с длинным лицом и усталыми глазами. Он поднял голову, когда колокольчик над дверью звякнул, и внимательно посмотрел на вошедших.

— Чем могу служить? — Голос был ровный, без интереса.

— Ищем «Печать Молчания», — сказал Веденин.

Человек за прилавком не изменился в лице.

Но его рука, лежавшая на прилавке, медленно сжалась в кулак.

— Не знаю такой книги.

— Знаете, — Веденин подошёл ближе. — Николай Валерьянович, я от барона Корфа. Он умер три недели назад. Перед смертью он назвал ваше имя.

Глебов молчал. Потом встал, подошёл к двери, повернул табличку на «Закрыто» и задёрнул штору.

— Кто вы? — спросил он, оборачиваясь.

— Михаил Веденин. Переводчик. Это Софья Корф, племянница барона. А это Павел Куликов, мой помощник.

— Барон был дураком, — сказал Глебов без злобы. — Умным, добрым дураком. Он думал, что можно играть с огнём и не обжечься. — Он помолчал. — Что вам нужно?

— Формула «засова». Мы знаем, как её прочесть. Но нам нужно знать, где «Искатели» держат пластину. И как к ней подобраться.

Глебов долго смотрел на них. Потом вздохнул.

— Ладно. Проходите в подсобку. Там поговорим.

II

Подсобка была крошечная, заставленная ящиками с книгами. Глебов налил всем чаю из помятого самовара и сел напротив.

— Я был в ложе восемь лет, — начал он. — Вступил молодым, глупым, голодным до знаний. «Искатели» обещали доступ к тому, чего не знает никто. И они не лгали. Они действительно знают много. Слишком много. — Он поморщился. — Но когда я увидел, что они делают с людьми... с теми, кто не может противостоять резонансу... я ушёл. Тихо. Они не пре-

следовали — им было всё равно. Один человек, который знает слишком много, но молчит, — не угроза. Пока молчит.

— А теперь? — спросила Софья.

— А теперь, — Глебов посмотрел на неё, — они получили пластину. И они не будут молчать. Они будут искать способ прочесть её без риска. И когда найдут — начнут действовать. — Он помолчал. — Пластина в их московском особняке на Пречистенке. Там

раньше была гимназия, потом — ложа. Подвал перестроен: толстые стены, свинцовая обшивка, специальные резонаторы. Они готовятся.

— Сколько человек в ложе? — спросил Веденин.

— В Москве — двенадцать. Из них трое — учёные, остальные — деньги и связи. Главный — Бреннер. Аркадий Львович. Он не фанатик. Он делец. Он хочет продать врата тому, кто больше заплатит. А платить готовы многие.

Паша, сидевший в углу с чашкой чая, вдруг поднял голову:

— Простите, Николай Валерьянович. А вы не знаете, у Бреннера есть слабость? Ну, какая-нибудь привычка? Что-то, что он делает

всегда?

Глебов задумался.

— Есть. Он каждое утро ходит в одну и ту же кофейню на Кузнецком мосту. Пьёт кофе с коньяком и читает «Московские ведомости». Ровно в девять. Каждый день. Без исключений.

Паша кивнул.

— Спасибо. Это может пригодиться.

Веденин посмотрел на него.

— Что ты задумал?

— Пока не знаю, — честно сказал Паша. — Но что-то. Я всегда что-то задумываю. Даже когда забываю, где очки.

III

Они вышли из лавки в сумерках. Город горел огнями, ярмарка шумела, и где-то играла гармонь.

— Что вы думаете? — спросила Софья.

— Думаю, что он не врёт, — сказал Веденин. — И думаю, что у нас есть шанс. — Он сжал коробочку с резонатором в кармане. — Но сначала нужно вернуться в Москву. И найти способ проникнуть в особняк на Пречистенке.

— У вас есть план?

— Пока нет. — Веденин улыбнулся впервые за много дней. — Но я работаю над этим. Я всегда работаю над этим.

Паша, шедший за ними, вдруг остановился.

— Михаил Андреевич, — сказал он. — А я, кажется, придумал.

— Что придумал?

— План. — Паша просиял. — Бреннер ходит в кофейню каждое утро. Один. Без охраны. Если мы подойдём к нему там — в людном месте, где он не сможет ничего сделать, не привлекая внимания — и предложим сделку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.